



ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ СВИНИНЪ

ЧАРТЫНЪ

РОССИИ

и

БЫТЬ

РАЗНОПЛЕМЕННЫХЪ ЕЯ НАРОДОВЪ,

изъ

ШУТЕЩЕСТВІЙ

п. п. СВИНЬИНА.

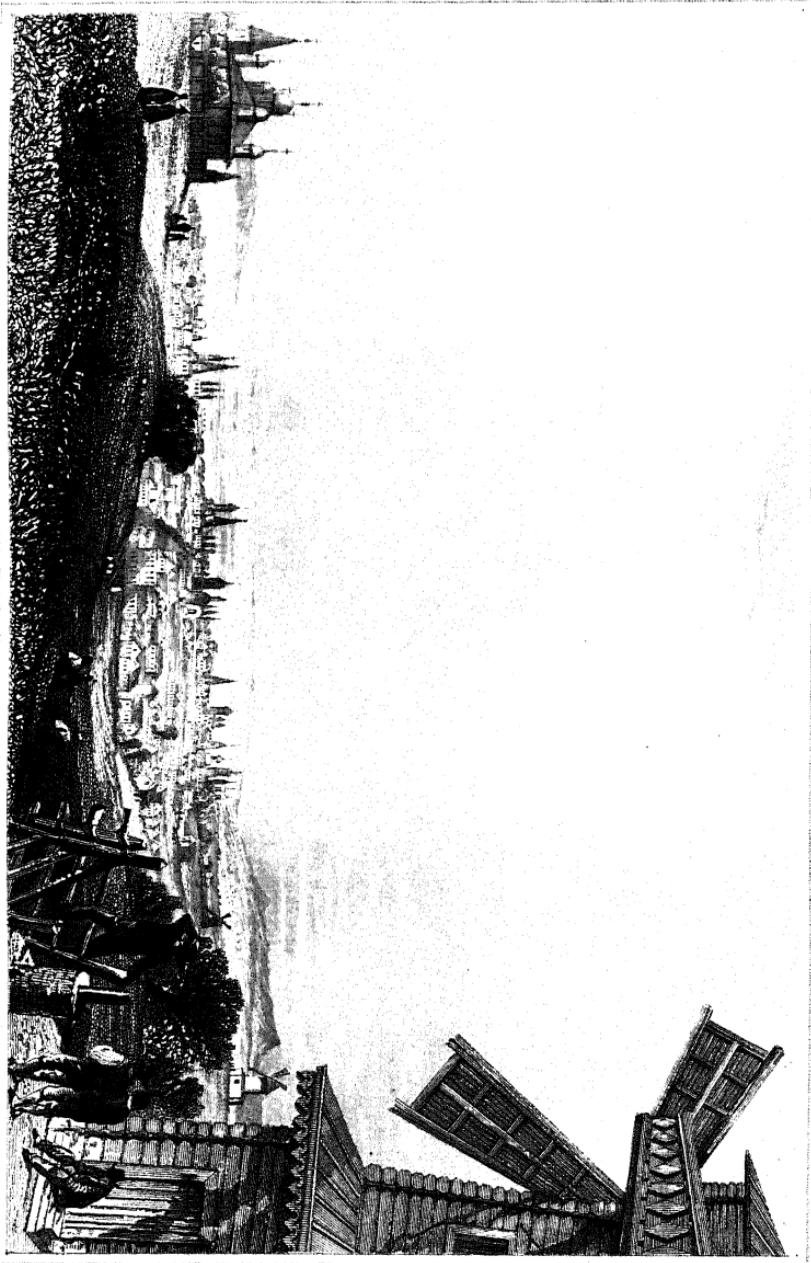
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Жуковский.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1839.



Сцена из
«Синьцзянь»

Иллюстрация к книге Ильинского.

ГАЛИЧ.

Галич принадлежитъ къ числу тѣхъ уѣздныхъ городовъ, которые, въ царствование Императора Александра I, превратились изъ грязныхъ въ чистые, изъ безобразныхъ въ правильно устроенные и красивые.

Живописно положеніе его при обширномъ озерѣ у подошвы высокаго юговосточнаго берега, который, обогнувъ его дугою, какъ неприступнымъ валомъ, придаетъ ему неимовѣрную привлекательность и разнообразіе. Когда спускаешься съ Чухломской или Кинешемской дороги, прежде всего открываютя золощеніе верхи церквей и колоколень, какъ будто выходящіе изъ нѣдръ земли; потомъ предъ взорами стелются ряды разноцвѣтныхъ крышъ и теремовъ, какъ будто плавающихъ на зеркальной поверхности озера, которое съ другой стороны обложено синими горами, какъ кольцомъ изъ драгоценныхъ сафировъ.

Напротивъ, когда подъезжаешь съ озера или изъ Буя, Галичъ представляется совершенно въ другой картины: шпицы высочайшихъ колоколенъ едва досягаютъ до вершины горъ, закрывающихъ горизонтъ съ противоположной стороны, и волшебно отражающихся, вмѣсть съ храмами и домами, въ зеркаль чистыхъ водъ озера.

И въ отношеніи къ древности, Галичъ не менѣе другихъ городовъ богатъ историческими воспоминаніями и уроцищами, останавливающими вниманіе любопытныхъ изыскателей древности.

Нѣтъ никакого сомнія, что Галичъ лежитъ на землѣ Мерячей, народа, нѣкогда могущественнаго и известнаго въ нашей Исторіи многими событиями: союзомъ съ прочими народами, согласившимися призвать Рурика на царство Русское, походомъ къ Царюграду, упорствомъ въ принятіи Христіанской Вѣры, побѣгомъ за рѣку Оку, где большая ихъ часть соединилась съ Мордою, а остальная такъ слилась съ Русскими племенами, что исчезла съ лица земли, и совершило потеряло свое народное отличіе; только въ Галичѣ удержался языкъ Мерячей, известный подъ именемъ Елманскаго, и нѣкоторыя уроцища, села и города въ Костромской Губерніи, носятъ еще названія, данные первобытными обладателями сихъ странъ, какъ то рѣки: Няя, Шуя, Андоба, Идоса, Кусь; озера: Неро, Нико, Раминъ; села: Шебано, Емена, Юхоть, Клемдемъ, Ликурга; города: Нерехта, Кинешма, Чухлома и проч.; но название Галичъ, можетъ ли быть отнесено къ той же эпохѣ? Галичъ па сѣверѣ является въ исторіи въ одно время съ Галичемъ Волынскимъ;

впрочемъ селеніе Мерячей здѣсь существовало гораздо прежде Галича Волынскаго. По преданію лѣтописцевъ, Галичъ построенъ, на образецъ Волынскаго Галича, Великимъ Княземъ Юріемъ Владимировичемъ Долгорукимъ, утѣшавшимъ себя въ потерѣ велиокняжескаго престола, устроеніемъ городовъ въ Ростовскомъ своемъ княженіи по подобію Кіевскихъ, т. е. избирая для нихъ по большей части сходныя положенія мѣсть, и давая имъ имена одинаковыя съ послѣдними.

Въ послѣдствіи Галичъ принадлежалъ къ Ростовскому Княжеству, иаконецъ къ Владимірскому.

Съ 1245 года, опять появляются Князья Галицкіе, начиная съ Константина Ярославича Удалаго, Феодоръ Васильевичъ, получилъ ярлыкъ отъ Хана Чанибека и на Княжество Костромское, а наследникъ его, Дмитрій Феодоровичъ, лишенъ былъ княжескаго удѣла Великимъ Княземъ Московскимъ, знаменитымъ Дмитріемъ Донскимъ, вѣроятно, за союзъ свой съ Княземъ Суздальскимъ, врагомъ Великаго Князя.

Съ 1362 года, Галицкое Княжество отдано было Донскимъ сыну его, Юрію, и значительно увеличено присоединенными къ нему удѣлами и завоеванными землями: Двишкою, Колмогорскою и Емью. Дѣти Князя Юрія Дмитріевичъ, Василій Косой и Дмитрій Шемяка, были послѣдними Князьями Галицкими. По окончаніи постыдной и кровавой борьбы Шемяки съ Великимъ Княземъ Василемъ Васильевичемъ Темнымъ о Московскому престолу, которая рѣшилась въ 1450 году близъ Галича, городъ сей вошелъ въ составъ единодержавія Московскаго, и сталъ управляться велиокняжескими боярами. Судъ и расправа были въ рукахъ ихъ, по переносѣ дѣлъ слѣдовали въ Москву,

гдѣ учрежденъ былъ особый Приказъ, подъ названиемъ Галицкой четверти (*).

Галичъ, подобно Новугороду, не преклонялся предъ свирѣпымъ Батыемъ, превратившимъ Россію въ пожарище, и не обстоятельства, не чудо отвели отъ него хищныхъ Монголовъ, а храбрость Галицкаго Князя Димитрія Константиновича, который пыталъ петерпѣшіемъ отмстить за кровь брата своего, Василія Ростовскаго, падшаго съ мечемъ въ рукахъ при рѣкѣ Сити. Галичъ храбро выдержалъ четырехнедѣльное облѣженіе, въ 1427 году, отъ Казанскихъ Татаръ; но если онъ избавился отъ разоренія Монголовъ, то былъ неоднократно жертвою удѣльныхъ междуусобій. Так-же опустошала его троекратно моровая язва. Бугры, видимые на урочищѣ, называемомъ Столбище, показываютъ мѣста укрѣплений древняго Галича. Высокій земляной валъ, спускаясь съ крутизны горы до самаго берега озера, обезопасивалъ живущихъ въ сей неприступной оградѣ, даже при вторжениіи непріятеля. Они имѣли средство спастись на лодкахъ чрезъ озеро.. На вершинѣ горы замѣтно еще небольшое укрѣпленіе, служившее, вѣроятно, наблюдательною бойницею для города. На Столбіщахъ показываютъ мѣста княжескаго дворца и обширныхъ садовъ, отъ коихъ еще остались вѣковыя деревья. Есть преданіе, что здѣсь сокрыты Шемякою сокровища, награбленныя имъ и братомъ его въ Москвѣ и Ярославлѣ во время ихъ бѣг-

(*) Къ Приказу сему принадлежали многіе города: Галичъ, Бѣлевъ, Карабевъ, Кашинь, Кологривъ, Коломна, Кашира, Мценскъ, Мещовскъ, Новосиль, Пароеньевъ, Ростовъ, Сольгаличъ, Судай, Сузdalъ, Унжа, Чухлома, Шул и Юрьевецъ-Поводжскій.

ства послѣ утраты великокняжескаго престола, а существо разсѣяло слухъ между легковѣрными простолюдинами, будто кладъ сей выходитъ наружу въ видѣ золотаго корабля, по чьему заклинанія, которыми вызываютъ его, такъ страшны, что никто еще не решался добыть его. Однако глубокія ямы доказываютъ, что были смѣльчаки, которые не боялись заклятій, и пробовали дорыться до золотой кормы.

Непонятно, почему, послѣ разоренія Галича В. К. Васильевъ Васильевичъ Темнымъ, дядя его, Юрий Димитріевичъ Галицкій, перенесъ крѣпость и дворецъ своей на новое мѣсто, которое, кажется, не представляло удобствъ для обороны отъ непріятеля по древнему образу войны, ни пріятностей для жизни; судя по разности мѣста, занимаемаго новымъ валомъ, оно должноствовало быть топкое и нездоровое, и долго еще послѣ того дремучий лѣсъ окружалъ городъ. Если небольшая рѣчка Кешма, протекающая по южную сторону вала, обезпечивала крѣпость въ продовольствіи водою, то непріятель весьма легко могъ заградить ся теченіе, а внутри не видно следовъ пруда, какой доселъ существуетъ на Столбнищѣ, не смотря на чрезмѣрное возвышение мѣста.

Окружность нового вала простирается до 577 сажень, поперечныхъ около 200, а вышиною до 4-хъ. Послѣ сего можно судить о первобытной высотѣ онаго; вѣроятно, также и ровъ, коего остались примѣтные следы, былъ очень глубокъ и наполненъ водою. Въ городъ вѣзжали четырьмя воротами, которыя защищаемы были башнями и бойницами. Извѣстно, что Димитрій Шемяка первый въ Россіи ввелъ въ употребленіе пищали, которыя, вѣроятно, заимствованы

изъ Литвы. Можно представить ужасъ, наведенный на Московскія полчища дѣйствіемъ сихъ адскихъ орудій. «Аже не взвидѣвъ Божіяго свѣта, пали лицемъ на «землю; токмо храбрые ограждашася знаменіемъ кре-«ста, чая преставленія свѣта.» Такъ говоритъ одинъ современій лѣтописецъ, описывая осаду В. К. Васильевъмъ Васильевичемъ Галича, въ 1450 году. Одну изъ сихъ первобытныхъ пишалей показывали иѣкогда любопытнымъ въ магистратской кладовой.

Древность загородныхъ урочищъ Галича простирается до вѣковъ язычества. Первый памятникъ сихъ временъ есть *Поклонная Гора*, находящаяся недалеко по Архангелогородской дорогѣ. Здѣсь, говоритъ преданіе, находилась кумирня Мерячей, въ которой поклонялись идолу Ярило. Когда же Христіанская Вѣра низпрoverгла кумирии язычества, потомки Мерячей, Галичане, собирались сюда ежегодно отправлять трехдневное гулянье въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ. Мѣсто другого идола, Купалы, было при озерьѣ, въ которомъ язычники въ послѣствіи приняли святое крещеніе, и можетъ быть, воспоминаніе сего события празднуютъ 24 іюня; горожане, мужчины и женщины, собираются гулять по берегу и кататься по озеру съ пѣснями и весельемъ, оканчивая третій день гулянья обливаніемъ другъ друга водою и купаніемъ въ струяхъ чистаго озера. На противуположномъ берегу Галицкаго озера, возвышается конусомъ гора, известная подъ именемъ Туровской. Иѣтъ сомнѣнія, что имя сie упѣльло еще отъ первобытныхъ народовъ, имѣвшихъ на вершинѣ сего исполнинскаго кургана языческую кумирню. Два подобные кургана, меньшей величины, служили ему какъ бы подножiemъ, или ступенями,

по которымъ можно было достичнуть вершины святынища. За пѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ одномъ изъ сихъ послѣднихъ, крестьяне, роя землю, открыли большой глиняный сосудъ, наполненный разными металлическими вещицами. Многія изъ нихъ доставлены были помѣщицѣ села Туровскаго, которая отправила ихъ въ Общество Русскихъ Древностей. Большая часть вещей сихъ изъ красной мѣди, самой грубой работы; остальные серебряныя, и представляютъ изображенія змѣй, мышей, гребни и тому подобныя символическія подвески, коими доселе шаманы обременяютъ свои облаченія, когда приносятъ жертвы или совершаютъ волхвованія. Язычники, оставляя мѣста сіи, вѣроятно, зарыли въ средину кургана священные предметы своего вѣрованія.

Въ послѣдствіи Туровское было любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Галицкихъ Князей, забавлявшихся здесь разнаго рода охотами въ дремучихъ лѣсахъ и глубокихъ водахъ озера, омывающаго подошву Туровской Горы. Изъ древнейшей описи города Галича видно, что Туровское называлось иначе селомъ Мыльнымъ, безъ сомнѣнія, по мыльнымъ своимъ заводамъ, и въ немъ было девять церквей.

Здѣсь кстати сказать подробнѣе о древнемъ Галицкомъ языкѣ, называемомъ Елманскимъ. Желательно, чтобы какой нибудь этимологъ разобралъ его и объяснилъ, къ какому племени онъ принадлежитъ: языкъ сей совершенно отличается отъ всѣхъ известныхъ въ Россіи. Многіе купцы и рыбаки говорятъ на немъ довольно бѣгло, и нерѣдко употребляютъ его съ пользою для себя, при своихъ расчетахъ, что замѣчено

нашими летописцами и въ исторіи ихъ предковъ Мерячей (*).

Извѣстно, что въ Галичѣ, при удѣльныхъ Князьяхъ, была выбиваема своя собственная золотая и серебряная монета. На монетахъ В. К. Василія Васильевича 1453 года изображался всадникъ, поражающій змія.

Галичъ бытъ отечествомъ четырехъ свѣтильниковъ Русской Церкви, Св. Юны Митрополита Московскаго, Павла Обдорскаго, Макарія Унженскаго, Паисія Галицкаго и — увы! самозванца разстріги Отрепьева. Галичъ бытъ мѣстомъ заточенія знаменитыхъ изгнаниковъ: Князя Андрея Шуйскаго, сосланного Борисомъ Годуновыимъ, и Василія Іоанновича Шуйскаго, посланного сюда самозванцемъ. Въ Галицкихъ темницахъ послѣ того содержались Поляки и Литовцы, пришедшіе съ Лжедимитріемъ разорять Россію.

Галичъ славился своими монастырями и церквами; первыхъ нѣкогда считалось до десяти, а вторыхъ вдвое болѣе. Теперь изъ монастырей остались два: мужской Паисіевъ и женскій Староторжскій Никольскій, а прочіе обращены въ приходскія церкви. Преображенскій Соборъ, перенесенный Юріемъ на нынѣшнее его мѣсто въ Кремль, находился прежде въ Староторжѣ. Въ немъ замѣчательно убранство иконостаса зимняго собора: кармазинная яркая краска съ зо-

(*) Галичъ называется по-Елмански *Галигонъ*, озеро Галицкое *Неронъ*, братъ катюра, домъ захъ, ъсть швоить, мать мамыза, дѣвушка корыакъ, мужикъ логъ, баба ламеха, лошадь логакъ, корова трубеха, рубль бирсъ, гривна марка, грошъ башъ, пять рублей охтень, сотня бутень, тысяча кусоха и проч. Галичане по Елмански *Кривита*: нѣть ли здѣсь намѣка на Кривичей, можетъ быть, зашедшихъ сюда изъ окрестностей Смоленска?

лотомъ придаетъ ему величественную оригинальность, пріятную для глазъ. Есть еще храмы замѣчательные своимъ устройствомъ и благолѣпіемъ, Рождества Христова, у озера, Великомученицы Варвары, Св. Василія Великаго и другіе.

Изъ старинныхъ улицъ остались: *Гамбина, Царевская, Староторжская, Овиновская, Пробойная, Глинникъ*. Домовъ считается въ Галичѣ около тысячи, изъ коихъ до 70 каменныхъ, принадлежащихъ обывателямъ, и три казенныхъ. Жителей около 5000 обоего пола душъ.

Очень замѣтно постепенное улучшеніе города зданіями, что служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ довольства жителей; но, къ сожалѣнію, должно замѣтить, что убываетъ число капиталистовъ, которыми Галичъ славился, и которые вели довольно обширную торговлю сть объеми столицами и сѣверными портами государства. Не далѣе какъ въ 1812 году считалось въ Галичѣ 140 капиталовъ; нынѣ же почти вчетверо менѣе. Не смотря на то, Галицкіе купцы отпускаютъ въ Петербургъ, Москву, Архангельскъ и на Нижегородскую ярмарку, въ большомъ количествѣ, пшеницу, масло, сало, кожевенный товаръ и грибы, а получаютъ наоборотъ желѣзо, вина, чай, сахаръ, сукна и прочие предметы необходимости и роскоши, и Галицкіе купцы развозятъ ихъ по всемъ ярмаркамъ, бывающимъ по разнымъ селамъ уѣздовъ Галицкаго, Буевскаго, Макарьевскаго и Чухломскаго. Есть въ Галичѣ лавки, въ коихъ изъ числа издѣлій можно купить отъ самого дорогаго Французскаго фарфора и драгоцѣнныхъ ковровъ Англійскихъ до черепка и рогожи, отъ лимоновъ и апельсиновъ до мучнаго меду, отъ шампанскаго до

ложки дрожжей. На базарные дни, по понедельникамъ и четвергамъ, привозятся въ городъ изъ окружныхъ деревень всякие деревенскіе припасы и издѣлія, и съезжаются множество крестьянъ. Какая жизнь! Какое движение видно въ эти дни! Рыба, вылавливаемая ежегодно въ озерѣ, составляетъ значительный предметъ дѣятельности и оборотовъ Галицкихъ жителей. Рыбачья слобода, лежащая на южной сторонѣ города, и имѣющая до 400 человѣкъ жителей, вся вообще заселена рыбными промышленниками по широкому Галицкому Озеру, которое, по толкованію нѣкоторыхъ, въ старину называлось Нерономъ, не отъ Императора Римскаго, а отъ слова неуронъ, потому что въ немъ не бываетъ никогда урона въ рыбѣ; и подлинно, ежегодно въ семъ озерѣ вылавливается болѣе 10,000 пудовъ разной рыбы, а изобиліе не умаляется (*). Рыбная ловля продолжается во весь годъ, но лучшее время для неї весна и осень. Зимою на Галицкомъ Озерѣ повторяется способъ рыболовства Уральскихъ казаковъ. Здѣсь, такъ же какъ и тамъ, борзая лошадь, прискакавъ прежде другихъ къ лучшему, богатѣйшему мѣсту лова, которое заранѣе узнается рыбаками по количеству рыбы, избирающей покойныя логовища для зимовки, доставляетъ ему большія предъ другими выгоды. Озеро Галицкое есть принадлежность города, утвержденная многими царскими граматами, которыя, начиная со временъ В. К. Василья Ioannovi-

(*) Галичане производятъ немалый торгъ снѣтками; но они, по видимому, не составляютъ особенной породы, какъ снѣтки Псковскіе и Бѣлозерскіе, а суть не иное что, какъ молодое племя рыбокъ, коимъ не даютъ сгодовать и прійти въ настоящій ростъ. Ерши Галицкіе мелки, по вкусуны.

ча и Грознаго Царя Иоанна до Петра Великаго хранятся въ оригиналахъ въ правлениі рыбачьей слободы. Оно приноситъ ежегодно до 40,000 рублей дохода, и избытки ловли развозятся по разнымъ съсѣдственнымъ городамъ, и даже въ Кострому. Въ весенне время, при половодіи рѣкъ, открывается для Галича водяное сообщеніе съ Волгою, и около 30 лодокъ, занимающихъ болѣе ста человѣкъ, употребляются для перевозки тѣгостей. Рѣки, впадающія въ озеро, изобилуютъ налимами и раками, въ особенности Чолмска и Шокша, изъ коихъ первая отличается еще высокими берегами, напоминающими, по живописнымъ видамъ своимъ, Швейцарію и Богемію.

Извѣстно, что Галицкіе плотники и печники почитаются лучшими въ государствѣ. И прочіе ремесленники, нужные въ домашнемъ быту, находятся здѣсь во множествѣ. Въ самомъ городѣ есть пять кожевенныхъ и два замшаныхъ завода. Галичъ, подобно многимъ Русскимъ городамъ, имѣющимъ свои особенности въ торговой промышленности, хвалится ершовыми пирогами, которые могутъ удовлетворить самаго прихотливаго лакомку.

Въ Галицкомъ духовномъ училищѣ болѣе 200 воспитанниковъ, и наставники ихъ люди съ хорошими познаніями. Прекрасная аптека, хороший лекарь, искусная повивальная бабка, — все это путешественникъ отыщетъ въ Галичѣ.

Староторжскій дѣвичій Никольскій Монастырь находится подъ самымъ Столбищемъ, на берегу озера. Стараниемъ почтенной игумены Таисіи, обведенъ онъ высокою каменною стѣною, и отличается устройствомъ и благоустройствомъ. Нынѣ за монастырскою стѣною от-

страиваются каменные гостиницы, которые обещаютъ удобство и спокойствіе для семействъ, пріѣзжающихъ сюда проводить не сколько дней Великаго Поста въ постъ и молитвѣ, и великолѣпная кладбищенская церковь въ видѣ пантеона. Монастырская соборная церковь во имя Св. Николая Чудотворца. Въ обители сей 45 инокинь, а вообще живущихъ болѣе 100. Одна изъ усердствующихъ помѣщицъ подарила ей землю въ 20 верстахъ отъ города, гдѣ почтенная игуменья завела усадьбу, снабжающую монастырь всѣми потребностями жизни.





Древний Галический уборъ

ДРЕВНИЙ
ПОДВѢНЕЧНЫЙ УБОРЪ
ВЪ ГАЛИЧЬ.

Древніе женскіе головные уборы Русскіе отличаются особеннымъ великолѣпіемъ и красивостію. Большая часть изъ нихъ напоминаютъ Гречію, и служить лучшимъ свидѣтельствомъ изящнаго вкуса нашихъ предковъ. Напрасно захотимъ сравнивать съ ними нынѣшнія шляпки, тюрбаны, чепцы! — Русскіе кокошники, повязки, остаются и останутся прекрасными для глазъ всякаго, между тѣмъ, какъ первыя мѣняются чрезъ самое короткое время: довольно, иногда, несколькихъ мѣсяцевъ, часто несколькихъ дней, чтобы самый модный уборъ показался смѣшнымъ и страннымъ.

Жители стариннаго Галича сохраняютъ постояннѣе многихъ другихъ городовъ древнія свои убранства; между прочимъ доселѣ ведется обычай вѣнчать дѣву-

шекъ въ жемчужной повязкѣ, похожей на корону, которая и называется *вѣнцомъ*. Повязка сія принадлежитъ богатому купцу Зиновьеву, и онъ съ охотою ссужаетъ ею всѣхъ невѣстъ, такъ, что большая часть дѣвицъ въ Галичѣ вѣнчались въ сей повязкѣ.

Свадебные обряды между Галицкими горожанами напоминаютъ также любезную простоту нашихъ предковъ, и заслуживаютъ быть замѣчены, пока еще не исказились, или совершиенно не изгладились отъ нововведеній, которыя, къ сожалѣнію, пробираются и въ самые отдаленные уголки Россіи.

Когда какой нибудь отецъ семейства задумаетъ женить сына, то созываетъ къ себѣ ближайшихъ родственниковъ и предлагаетъ на ихъ разсужденіе свое намѣреніе. Потомъ изъ среды ихъ выбираетъ самаго расторопнаго, рѣчистаго, котораго и посыпаетъ сватомъ.

Сватъ, по приходѣ къ дому невѣсты, стучитъ желѣзнымъ кольцомъ у воротъ три раза, и вызывавъ отца ея для переговора, объявляетъ ему о причинѣ своего посѣщенія. Отецъ невѣсты, какъ обыкновенно бываетъ, требуетъ времени хорошенъко подумать о сдѣланномъ предложеніи, и съ тѣмъ отпускаетъ свата назадъ. По возвращеніи въ свѣтлицу спрашиваетъ невѣstu, любъ али нелюбъ ей такой-то. На вопросъ сей она отвѣчаетъ одиѣми слезами или двумя словами: *на то воля родительская*. Сказать свое мнѣніе считается величайшимъ неприличіемъ и неблагоразуміемъ. Заботливый отецъ развѣдываетъ о поведеніи и положеніи дѣлъ жениха. Когда вѣсти добрыя, и въ назначенное время явится сватъ за отвѣтомъ, его уже просятъ пожаловать въ горницу, сажаютъ за столъ,

честять, угощають, а настойчивый сватъ разными шутками и прибаутками старается скорѣе выманить у отца невѣсты согласіе на бракосочетаніе. Тогда зажигаютъ восковыя свѣчи предъ иконами; всѣ присутствующіе начинаютъ молиться, и отецъ невѣсты бѣть съ посланнымъ по рукамъ. Сватъ тотчасъ же отирается за женихомъ. По приходѣ послѣдняго, возобновляется тотъ же обрядъ, съ тою только разницею, что при немъ находится сама невѣста, которую отецъ отдаетъ жениху *изъ полы въ полу*. Святость сего богомоленія столь много уважается, что ни которая сторона, ни подъ какимъ видомъ, не можетъ нарушить даннаго слова: всѣ увѣрены, что на измѣнившаго оному пролются всѣ бѣды и несчастія.

Съ сего времени женихъ каждое утро навѣдываетъ о здоровье будущей своей супруги, а съ наступлениемъ вечера опять отправляется къ ней пить чай, въ сопровожденіи одного изъ своихъ родственниковъ. Въ переднемъ углу горница, назначеннай для пріема дорогаго гостя, приготовленъ маленький столикъ, установленный различными лакомствами, въ числѣ коихъ почитаются необходимостью пряники и каленые орѣхи. Ласковая теща съ низкими поклонами сажаетъ за столъ будущаго зятя. Между тѣмъ проворная, досужая сваха выводитъ невѣсту, убранную въ самый лучшій нарядъ: если она дочь человѣка зажиточнаго, драгоценныи жемчугъ въ видѣ сѣтки лежитъ на ея груди и покрываетъ ея голову; ее становятъ посреди свѣтлицы. Ловкій женихъ беретъ свою суженую, об顽强енную за бѣлую ручку, и ведетъ за столъ. Когда они усядутся, отворяютъ широкія ворота настежь, толпы народа всякаго пола и возраста приходятъ

смотретьъ на сговоренную чету и слушать пѣсеньки дѣвушекъ:

«Ты, камочка, камочка моя,
 «Ты камка мелкотравчатая,
 «Не давайся развертываться
 «Ни по атласу, ни по бархату,
 «Ни по аксамиту на золотѣ.
 «Какъ аксамитъ-то волю взялъ,
 «Хрущату камку развернуль,
 «Всѣ узоры повысмотрѣль,
 «Всѣ круги позолоченые.
 «Какъ барскій сынъ волю взялъ,
 «Онъ Аинушку за руку бралъ
 «Ивановну за бѣлую;
 «Онъ повель за дубовый столъ
 «За скатерти браныя,
 «За листва сахарныя.

Большая часть Галицкихъ свадебъ совершаются осенью, а какъ въ это время бываютъ самыя темныя ночи, то должно замѣтить, что Галицкія красавицы, которыя выходятъ днемъ не иначе, какъ закрывшись большимъ опахаломъ, и ставятъ въ безчестіе, если увидѣть ихъ въ лице мужчина, оставляютъ на эту пору азіатскую свою застѣнчивость.

Наканунѣ дня, назначенаго для бракосочетанія, всѣ невѣстини подружки собираются къ ней въ домъ, топятъ баню и съ пѣснями провожаютъ ее туда. Тамъ расплетаютъ ей косу, а она, по обыкновенію, плачетъ надъ нею, тогда какъ дѣвушки поютъ пѣсни:

«Не трубушка трубила рано на зарѣ,
 «То плакала свѣтъ Аинушка по русой косѣ.
 «Ахъ ты, моя косынъка, русая коса!
 «Разобьютъ тебя косынъку на шесть доль,
 «Заплетутъ тебя косынъку на двѣ косы . . .

Ввечеру женихъ привозитъ туалетъ (небольшой

ящикъ съ зеркальцомъ), въ которомъ положены башмаки, чулки, мыло, бѣлила, румяна и другія мелочи, и дарить невѣstu, а та раздаетъ эти бездѣлки подружкамъ, которыя на дѣвичникѣ споютъ ей въ утѣху:

«Залетала пташечка
 «Во соловью клѣточку,
 «За серебряну сѣточку,
 «За золочену рѣшеточку,
 «За жемчужину переплеточку;
 «А сама-то встоскуется,
 «А сама-то взгорюется . . .

Или:

«Разлилась, разлѣялась
 «По лугамъ вода весенняя,
 «Унесло, улѣяло
 «Чадо милое, дочь отъ матери и проч.

Въ день свадѣбы, лишь только начнутъ звонить къ заутренѣ, невѣста, вмѣсть съ молодыми родственницами своими идетъ въ церковь служить молебень. Исполнивъ христіанскій долгъ и возвратясь домой, она испрашиваетъ благословенія у отца и матери. Послѣ этого укладываютъ приданое, которое, у достаточныхъ, состоитъ изъ жемчужныхъ уборовъ, парчевыхъ и шелковыхъ сарафановъ, душегрѣекъ, полушибуковъ и т. п. Потомъ собираютъ невѣstu подъ вѣнецъ. Сначала чешутъ ей волосы, примачивая квасомъ, и братъ ея, по старинному заведенію, самъ обуваетъ ее, послѣ чего надѣваетъ на неѣ парчевую юбку и шубу, опущенную куницами или соболями, не смотря на то, что свадѣбы иногда бываютъ и въ іюнѣ мѣсяцѣ; голову, сверхъ жемчужной поднизи, покрываютъ фатою. Для сбереженія невѣсты отъ дурнаго взгляда и другихъ ненароковъ, по старому повѣрю, сваха вты-

каетъ украдкою ото всѣхъ иголку въ низъ ея платья и подпоясываетъ поясомъ, выплетеннымъ на подобіе сѣтки. Послѣ того уже надѣются, что къ ней не прикоснется ни какое лихо; ни какой дурной глазъ не слгазитъ.

Такимъ образомъ убранная невѣста дожидается жениха; онъ прїѣзжаетъ за нею въ сопровождениі священника и большаго поѣзда, состоящаго изъ холостыхъ его родственниковъ, которыхъ невѣста дарить ширишками или тому подобнымъ, смотря по состоянію. Отправляясь въ церковь, строго наблюдаютъ, чтобы не проѣзжать ни подъ какимъ видомъ мимо дому жениха, дѣлая часто для того большиѣ объезды. Самая невозможность избѣгать этого поглазья починается худымъ предзнаменованіемъ.

По совершеніи священнодѣйствія, всѣ свадебные гости слѣдуютъ за молодыми въ домъ жениха, гдѣ бываетъ уже приготовленъ роскошный столъ. Во время пищества новобрачную *крутятъ*, т. е. свиваются ей двѣ косы, и надѣваютъ на голову огромный кокошникъ. Изъ-за четвертаго блюда отводятъ молодыхъ на покой. Молодой садится на постель, и предъ нимъ съ рабскою покорностію и подобострастіемъ стоитъ супруга его въ ожиданіи приказаний. Тутъ, по завѣту блаженной старины, самовластный мужъ протягиваетъ ногу, и молодая жена снимаетъ съ него сапоги. Изъ праваго выпадаютъ деньги, а изъ лѣваго плетка въ намекъ, что отъ мужа она должна ожидать и награды и наказанія. Свадебные пиры нерѣдко продолжаются по двѣ недѣли и болѣе; самые бѣдные не смѣютъ праздновать менѣе шести дней.



Галичанка

Рисована съ натуры. И. Савицкая.

ГАЛИЧАНКА.

Мы сказали уже, въ похвалу Галицкихъ горожанокъ, что онъ болѣе другихъ придерживаются своего древняго наряда — особенно красиваго, когда видишь ихъ въ толпѣ мужчинъ, въ разноцвѣтныхъ сибиркахъ и кафтанахъ. Небольшая отмѣна въ этомъ уборѣ противъ прежняго — въ понижениі кокошниковъ, хотя высокіе старинные также очень шли къ румянымъ, круглымъ лицамъ Галицкихъ красавицъ. Богатая фата, большею частію прозрачная, коею онъ покрываются, роскошно упадаетъ на ихъ стройныя таліи, и развѣваясь при малѣйшемъ вѣтрѣ, то скрываетъ, то выказываетъ прелестныя формы. Кокошники нижутся большею частію изъ мелкаго Кафинскаго жемчуга.
